

Дудкин острит – рассказ Юрия Сотника

Рассказ Юрия Сотника

Аглая, Дудкин, Брыкины и я были крупными знатоками по части мебелировки. Наши семьи одними из первых вселились в новый дом, а после этого мы успели, наверное, раз семьдесят посмотреть, как вселяются другие. Мне кажется, нам были знакомы все фасоны диван-кроватей, шкафов и сервантов, которые выпускает наша промышленность.

Но к осени в нашем доме достроили последнюю секцию, стали въезжать новые жильцы, и однажды во двор приехала машина с такой мебелью, какой мы раньше не видели.

Почти вся она была сделана из какого-то особого, очень красивого дерева; ножки столов, мягких стульев с овальными спинками были изогнуты и все в резьбе, а на овальной раме большого зеркала лежали два «пацаненка с крылышками» – так Васька Брыкин называл амуров. Только пианино да шкафы были обыкновенные.

Не одних нас заинтересовала эта мебель. Взглянуть на нее подошли несколько взрослых, даже профессор Грабов подошел.

– Старина! – вздохнула какая-то женщина.

– Старина... а вот не старье, – заметил Дудкин. Действительно, шелковая малиновая обивка на стульях и на диване была новая, а все деревянные завитушки блестели приятным матовым блеском.

Профессор Грабов взъерошил Антошкины волосы и сказал:

– Молодец! Продолжай в том же духе!

Никто из нас не понял, чем понравились профессору Антошкины слова, но мы обратили на это внимание.

Нам показалось странным, что хозяйева старинных вещей очень уж обыкновенные: бледная востроносенькая женщина в джинсах и здоровенный дяденька в старой майке.

Но вот последние вещи втащили на третий этаж, и грузовик с рабочими уехал. Буквально через минуту во двор вкатило такси, и тут нам стало ясно, кому принадлежит старинная мебель. Из машины вышла дородная прямая женщина, с очень пышными седыми волосами и розовым лицом, почти без морщин. Платье на ней было длинное.

– Во! Екатерина Вторая! – шепнул Дудкин. Аглая и Зина хихикнули. Женщина и в самом деле походила на Екатерину Вторую, которую мы недавно видели в кино. Вслед за женщиной появилась девочка нашего возраста.

– Мама! Мы идем! – крикнул сверху мужчина.

– Сами управимся! – ответила «Екатерина Вторая».

Она расплатилась с шофером, нагрузила девочку какими-то свертками, сама взяла два больших чемодана и легко пошла с ними к подъезду.

– Спасибо, дорогой! – сказала она, когда Дудкин открыл перед нею дверь.

Девчонки пошли к управдому раздобывать сведения о новых жильцах и примчались обратно с вытаращенными глазами. Оказалось, что «Екатерина Вторая» – не кто иная, как заслуженная артистка республики Вера Федоровна Двинская.

На следующее утро Дудкин уехал с отцом по грибы. Аглая, Зина, Васька и я весь день слонялись по двору, ожидая, что внучка знаменитой артистки выйдет погулять и нам удастся познакомиться с ней. Но она все не выходила.

Под вечер начались обычные мучения Сени Ласточкина и его старшего брата Бориса. Дело в том, что они построили кордовую авиамодель и вот уже неделю маялись, стараясь заставить ее взлететь.

Сегодня у них тоже что-то не ладилось. Модель трещала бензиновым моторчиком, носилась большими кругами по асфальту, но отрываться от земли не хотела.

Вот тут-то и появилась не только внучка Двинской, но и сама Двинская. «Екатерина Вторая» сразу очень заинтересовалась моделью. Она остановилась рядом с нами, сцепила руки перед грудью и стала смотреть во все глаза.

– Ты посмотри, как интересно! Ну просто копия самолета! Оля! Да ты только взгляни!

А Оля, довольно хорошенькая девочка, смотрела на модель внимательно, однако без всякого выражения на продолговатом бледном лице.

– Занятный самолетик, – согласилась она.

– Бегаёт, бегаёт, а не взлетает! – переживала Двинская. – А почему он не взлетает? Или он не должен взлететь? Вот! Теперь совсем остановился!

Моторчик у модели заглох, и конструкторы принялись колдовать над ним. Тут появился Дудкин с кошелкой, полной грибов.

– Рожденный ползать – летать не может, – сказал он громко и пошел дальше в свой подъезд.

Двинскую он, кажется, не заметил, а та уставилась ему вслед.

– Ишь ты какой остряк! Оля, слышала?

– Остроумно сказано, – медленно и серьезно проговорила Оля.

Двинская посмотрела на нас.

– Молодец какой! Он здесь живет? В этом доме?

– Здесь, – ответила Зинаида. – Он еще про вашу мебель сказал... Аглая, помнишь? Тогда еще Антона профессор похвалил!..

Аглая кивнула:

– Ага. Он про вашу мебель сказал, что она «старина, а не старье».

Это Вере Федоровне тоже очень понравилось.

– Смотри, Оля, это уже не цитата, это он уже собственную мысль выразил... И как точно!

Тут Аглая сообщила Двинской, что Дудкин назвал ее «Екатериной Второй». И это ей понравилось.

– Слушай, Оля! Да ведь это просто интересный человек!

– Остроумный человек, – согласилась Оля.

– Обязательно познакомьте нас с ним, – сказала Вера Федоровна,

– Оля! Да ведь с такими острословами ты просто можешь светский салон открыть!

– Интересно будет познакомиться, – без всякого выражения проговорила Оля.

На следующее утро, сидя за завтраком, я услышал, как Аглая и Зинаида надрываются во дворе:

– Антошка! Дудкин! Антошка, выйди скорей!

Я появился во дворе в ту минуту, когда туда вышел Антон. Девчонки так и налетели на него. Приплясывая от возбуждения, они рассказывали, какой вчера получился разговор и как понравились Вере Федоровне и ее внучке все Антошкины изречения.

– Она знаешь что про тебя сказала? Что ты очень интересный человек! – сообщила Зинаида. – Во как!

– Кто сказал? – вертел головой Антон.

– Да ну Двинская! – кипятилась Аглая. – Так прямо и говорит: «Это, говорит, наверное, исключительно интересный человек! Мне прямо, говорит, оч-чень, оч-чень хочется с ним познакомиться!»

– С кем познакомиться?

– Тьфу! Да у тебя в голове мозги или что? С тобой ей хочется познакомиться! С тобой!

– Кому?

– Господи!.. Ну Двинской! Артистке! Заслуженной!

– Глашк! погоди! – перебила Зинаида. – И Оля эта... она тоже хочет с ним познакомиться. Она так и сказала: «Это очень интересный человек!»

– Нет, Зинка, ну что ты путаешь! Она «интересный» не говорила!

– Ага! Верно, не говорила! Она сказала, что ты очень... этот... остроумный человек, и потом говорит: «Я тоже... это... я ужасно, с большим удовольствием с ним познакомлюсь». Они из-за тебя какой-то салон даже открывать собираются!

– Выставку, что ли!..

– Не... какой-то другой... светский какой-то.

– Да ну вас! Дуры психованные! – вдруг обозлился Дудкин и ушел домой.

Как видно, он подумал, что его разыгрывают. После этого девчонки, наверное, полчаса завывали у него под окном: «Анто-о-ошка! Ну на мину-у-уточку! Ну вы-ыйди!»

Но Дудкин так и не вышел к ним.

Зато после обеда он явился ко мне. Вид у него был серьезный, озабоченный.

– Ты чего делаешь? Ты один?

– Один. А что?

– Так...

Мы прошли в комнату. Насупив брови, Антон заложил руки за спину и уставился на меня исподлобья.

– Слушай!.. Это правда, чего девчонки говорили?

– Правда, – ответил я. Антошка еще больше насупился.

– И значит, эта Двинская так и сказала, что я... ну, это... ну... остроумный?

– Нет, Двинская сказала, что ты интересный человек.

– Двинская?

– Ага. А Оля сказала, что ты остроумный. Антошка присел на край дивана, подпер подбородок рукой.

– Черт! А я думал, я просто так болтаю, безо всякого остроумия... – Он помолчал, потом взглянул на меня снизу вверх.

– А по-твоему, я остроумный? Только честно!

Я никогда над этим вопросом не задумывался, но из деликатности ответил:

– По-моему, остроумный.

– И значит, они познакомиться хотят?

– Да. Я сам слышал.

– Вот черт! – Дудкин вздохнул так сокрушенно, что я спросил, почему его это огорчает.

– По-моему, для тебя только лестно, что с тобой хотят познакомиться Двинская и ее внучка. Он поднялся и заходил взад-вперед.

– Тебе хорошо говорить – «лестно»! А мне... Они же познакомятся и все время будут думать: вот, мол, интересный пришел, остроумный! Вот, мол, сейчас чего-нибудь такое сострит! А чего я им буду острить, если я сам не знаю, что остроумно, а что нет!

Я понял, что положение у Антошки действительно трудноватое, но ничего дельного посоветовать не мог. Антон побыл у меня еще немного, повздыхал и ушел в подавленном настроении. Однако минуты через две снова раздался звонок. Это вернулся Дудкин.

– Лешк... – сказал он, стоя в дверях. – А если я им так скажу: «Вы живете на третьем, а я как раз под этим». Это остроумно будет?

Я слегка оторопел.

– А что это такое: «Я как раз под этим»?

– Ну, в том смысле, что я на втором этаже живу. Правда, в другом подъезде... Но ведь все равно же можно сказать, что «как раз под этим»?

– По-моему, это все-таки не очень остроумно, – деликатно ответил я.

Дудкин помолчал, вздохнул:

– Вот я тоже думаю, что не очень... Ладно! Пока!

Прошло дня три. Аглая и Зинаида познакомились с Олей, и она прыгала вместе с ними через скакалку и играла в мяч. Антошкой Оля, как видно, не очень интересовалась, зато Аглае с Зинкой ужасно хотелось их познакомиться.

А Дудкин как раз этого и боялся. Он даже не выходил во двор, когда видел там наших девчонок в обществе Оли. Если же родители посылали его в магазин, он сначала затаивался в подъезде, выбирая подходящий момент, затем выскакивал и летел к воротам с такой скоростью, что не видно было ни пяток его, ни локтей.

Глашка с Зинкой все-таки засекали Дудкина и бросались ему наперерез. Погоня каждый раз была упорной, большой двор оглашался воплями:

– Антошка, погоди-и-и!

– Антошка, чего скажу-у-у!

– Да ну ладно вам! – хрипел на бегу Дудкин. – Ну некогда мне! Да ну отстаньте вы!

Однажды, когда девчонки вернулись после очередной погони, Оля тихо заметила:

– Все-таки он какой-то странный, этот Антон.

– Чего – странный? Почему? – насторожилась Зинаида.

– Дикий какой-то.

– И ничего не дикий! Просто стеснительный немножко!

– Ой, Зинка, ну что ты врешь! – возмутилась Аглая. – Вовсе он не стеснительный, просто в нем гордости очень много!

А между собой наши девчонки решили: «Влюбился он в эту Ольку. Вот чего!»

Они были недалеко от истины. Антону очень хотелось познакомиться с Олей. Но девчонки не знали, что он дни и ночи мучается, стараясь придумать для этого что-нибудь остроумное. В эту Антошкину тайну был посвящен только я. По несколько раз в день у нас звонил телефон и в трубке слышался усталый голос:

– Лешк!.. А вот так остроумно будет: «Эх, Оля, Оля, какая у тебя тяжелая доля?»

– А почему «тяжелая доля»?

– Ну... ну, может быть, она на что-нибудь пожалуется. Может, скажет, что, мол, в школу, скоро идти... еще что-нибудь... Вот я ей и скажу.

– По-моему, не остроумно, – отвечал я и советовал: – Ты зря стихами начал острить. Ведь раньше ты прозой острил, и у тебя получалось.

– Знаю, что прозой... А вот сейчас все почему-то в рифму... Ну ладно! Пока!

На четвертый день вместе с Олей во двор вышла Вера Федоровна и объявила:

– Ну-с, уважаемые!.. С устройством квартиры у нас покончено, на носу начало учебного года, посему приглашаем вас в воскресенье к Оле на новоселье. Шампанского не обещаем, но чай со сладким будет.

Я первым догадался сказать «спасибо». Девчонки тоже поблагодарили, сказали, что обязательно придут, потом Аглая спросила:

– А Дудкину можно прийти?

– Это остроумцу-то вашему? Разумеется! Он будет украшением

нашего раута! – Вера Федоровна вдруг подняла указательный палец: – Но одно условие, дорогие: все вы тут люди талантливые, театральной деятельностью занимаетесь... Олины друзья тоже не без дарований. Так что давайте устроим маленький концерт. Пусть каждый выступит хотя бы с одним номером, но уж с таким, чтобы им можно было блеснуть.

Это было в четверг. С того же вечера началась подготовка к концерту. Все мы почему-то считали, что Олины друзья должны быть такие же необыкновенные, как мебель ее бабушки, что все они по-настоящему талантливы, не в пример нам, грешным. Ударить в грязь лицом никому не хотелось.

Моя мама принялась разучивать со мной стихи Барто «Лешенька, Лешенька...». Аглаина мама призвала на помощь соседку, и та стала обучать Глашку с Зинкой танцу «летка-енка». Проходя мимо раскрытого окна Аглаи, я слышал звуки хриплого магнитофона и видел две подпрыгивающие головы: одну – рыжую, другую – темную.

Всех удивил Васька. Он вдруг написал стихи. Никогда в жизни стихов не писал, а тут вдруг взял и выдал. О чем были стихи, Зина дала Ваське слово никому не говорить, но сказала, что стихи – «мировецкие».

А вот Антошка ходил как потерянный, и с каким номером выступать в концерте, он не знал. Девчонки ему, конечно, сказали, что он будет «украшением раута». Он так маялся, словно ему не в гости надо было идти, а к зубному врачу.

Я однажды ему посоветовал: – Ну что тебе мучиться! Выучи какое-нибудь стихотворение – и все!

Он набросился на меня:

– «Выучи! Выучи!»! Васька Брыкин такой лопух, а и тот собственные стихи прочтет. А я... Они знаешь что скажут? «Тоже мне украшение! Только чужие стихи учить умеет. Это каждый дурак сможет!»

На следующее утро, когда я еще лежал в постели, раздался звонок. Через минуту мама заглянула в мою комнату:

– Леша! Антон к тебе!

Мама скрылась, и вошел Дудкин. Давно я не видел его таким веселым. В руке он почему-то держал бутылку.

– Лист бумаги есть? – спросил он. – Давай скорей!

– Какой бумаги?

– Какой хочешь. Хоть газетной!

Я вырвал лист из какого-то старого журнала. Антошка положил лист на стол, поставил на него бутылку и сказал:

– Если я дерну за эту бумажку, что будет?

– Разобьется бутылка, – сказал я.

– Ладно! Теперь гляди! Только внимательно гляди!

Заложив руки за спину, Антон стал прохаживаться перед столом, делая вид, что разглядывает потолок моей комнаты и стены. Внезапно он схватил край бумаги, на которой стояла бутылка, и резко дернул за него. Бумага выскочила из-под бутылки, а сама бутылка осталась на столе, даже не шелохнулась.

– Видал! Это папин знакомый вчера к нам пришел, меня научил. Тут главное – быстро дернуть. Если забоишься и тихо потянешь – хана! А если пошире какую-нибудь посудину и потяжелей, так можно не то что бумагу, а салфетку выдернуть!

С некоторой тревогой в душе я принес небольшой горшок с алоэ, стоящий на тарелочке, подстелил под него носовой платок, и Дудкин этот платок великолепно выдернул.

Мы показали этот фокус Зинаиде и Аглае, и они пришли от него в восторг. Зинаида напомнила, что мы приглашены на новоселье, а новоселам полагается делать подарки. Она предложила купить в

складчину керамическую вазу для цветов, которая продавалась неподалеку, в художественном салоне, и стоила два рубля. Вазу тут же купили. Аглая принесла салфетку, белую хлопчатобумажную, на которой красными нитками был вышит страховидный котенок. Дудкин несколько раз подряд выдернул салфетку из-под вазы, и все обошлось великолепно.

У Антошки словно гора с плеч свалилась.

– Мне теперь и остричь не нужно! – радовался он, когда мы остались одни. – Я буду молчать, вроде бы совсем дурачок, а потом как подойду и как спрошу: «Что это за салфеточка?» Потом как дерну, и сразу все поймут: «Это он только прикидывался дурачком! А на самом деле он – во какой!»

И весь остаток дня он тренировался. Тренировался и у меня дома и у себя. Когда ему надоело выдергивать салфетку из-под вазы, он стал выдергивать ее из-под стакана с водой... Он даже выдернул ее из-под круглого пенала, поставленного на попа.

И вот настало воскресенье. В половине пятого мы уже стояли на площадке лестницы перед квартирой Двинских. Васька держал в руках вазу, Аглая – свою салфетку, завернутую в бумагу.

Некоторое время мы подталкивали друг друга и шепотом спорили, кому первому входить. Наконец решилась Аглая. Она позвонила. Ей открыла нарядная и очень хорошенькая Оля, и мы все вслед за Аглаей втянулись в переднюю. Из комнаты вышла Вера Федоровна, а из кухни, которая виднелась в конце узкого коридорчика, появились Олины мама и папа и еще несколько взрослых.

Вера Федоровна поклонилась нам:

– Милости просим, дорогие гости! – И повернулась ко взрослым: – Разрешите вам представить: это – Аглая, это – Зина, это – ее брат Вася, это – Леша, а это, если я не ошибаюсь, сам Антон Дудкин. Некоторые его мо я вам цитировала.

При слове «мо» мы все переглянулись, а Дудкин почему-то

скривил рот и часто заморгал.

Васька и Аглая вручили Оле подарки (взрослых привел в восторг вышитый Аглаей кот). Потом Вера Федоровна объявила:

– Ну! Пусть взрослые идут к себе в кухню и нам не мешают. Взрослые очень скучный народ.

Из комнаты уже давно выглядывали Олины друзья. Их оказалось только двое: толстый черномазый мальчишка в круглых очках с темной оправой и такая же черномазая девчонка, но тощая и востроносая. Нас познакомили. Мы вошли в комнату, куда Вера Федоровна внесла и нашу вазу.

– Куда же его поставить, ваш подарок? Пока сюда поставим.

Она поставила вазу на подоконник. Аглая подошла к ней и сказала:

– Нет, Вера Федоровна, вот так надо.

Она постелила свою салфетку на подоконник, а на нее поставила вазу...

– Понятно! – кивнула Вера Федоровна, – Салфетка, оказывается, в комплекте с вазой.

Она пригласила нас в смежную комнату и усадила на свои старинные стулья за овальный, накрытый для чая стол.

Сначала все, конечно, немного стеснялись, но Вера Федоровна сумела нас расшевелить. Она стала расспрашивать о школе, в которой нам предстояло учиться. Олины друзья стали рассказывать истории о своей школе... Словом, минут через пятнадцать все так перезнакомились, что Аглая с Лялей (черномазой девчонкой) принялись щипать друг друга за бока и очень при этом хохотали, а очкарик, рассмеявшись, так фыркнул чаем на скатерть, что Вера Федоровна похлопала наконец в ладоши и сказала:

– Леди и джентльмены! Убедительно прошу вас держаться в рамках элементарных приличий!

Молчали только двое. Молчала Оля – просто потому, что она всегда предпочитала слушать, а не говорить. Молчал Антон. Но молчал он не просто так, а, я бы сказал, со значением. Он сидел на своем стуле прямой как жердь, чай отхлебывал из ложечки и поглядывал на разговаривающих так высокомерно, словно за столом сидели не его сверстники, а воспитанники детского сада.

Вера Федоровна даже обратила внимание на него:

– Слушай! Что это ты такой молчаливый? Быть может, у тебя какая-нибудь печаль на душе?

Антошка и тут ничего не сказал. Он только прикрыл глаза и молча пожал плечами.

Вера Федоровна посмотрела на него.

– Ну, я вижу, ты у нас загадочная натура, – сказала она.

Мне показалось, что она шутит, но Дудкин принял это всерьез. Физиономия у него сделалась довольной, щеки порозовели, а уши стали совсем красными.

Чай кончился. Вера Федоровна велела перенести стулья в первую комнату. Затем она вышла в коридор и позвала:

– Товарищи взрослые, просим на концерт! Взрослые уселись на диване и на трех стульях, поставленных в ряд перед ним. Мы разместились на стульях, расставленных вдоль стен.

– Ну! – обратилась к нам Вера Федоровна. – Кто самый храбрый? Кто начнет концерт?

Вышел очкарик, расставил пошире ноги, заложил руки за спину и объявил:

– Маяковский, отрррывок. – И, сердито уставившись на взрослых,

начал: – «Я земной шар чуть не весь обошел, и ж-ж-жизнь хор-р-роша, и жжить хор-р-рошо».

Взрослые сидели ко мне боком, и я видел, как они сдерживаются, чтобы не расхохотаться, но когда очкарик кончил, они хлопали и кричали «браво».

Затем набрался храбрости Васька. Перед этим Зинаида сообщила, что он будет читать собственное стихотворение. Он вышел, покраснел как рак и выпалил:

С новосельем поздравляю

я вас всех,

И желаю всем здоровья

и успех.

Ему хлопали не меньше, чем очкарику. Вера Федоровна спросила:

– Ну, кто следующий хочет выступить? Антоша, может быть, ты?

Антон и на этот раз ничего не сказал: только плечи приподнял и опустил. Аглая хихикнула, покосилась на вазу и потерла ладошки.

Вера Федоровна не упрашивала Антона. Под ее аккомпанемент Аглая с Зиной благополучно отпрыгали свою «летку-енку». Наступила моя очередь. Пока я читал «Лешенька, Лешенька...», Ляля поднялась и куда-то вышла. Когда я кончил, Вера Федоровна снова села к пианино.

– А теперь – кабардинская лезгинка!

Она заиграла, и в комнату влетела переодетая Ляля. На ней был красный бешмет, красные сапожки и что-то похожее на белую папаху. На поясе болтался маленький кинжал.

Это уж был по-настоящему хороший номер. Ляля плясала так, что редкий мальчишка с ней сравнится. То она шла по кругу,

вытянувшись в струнку, на одних только носках, то вдруг неслась широким шагом, зыряка черными глазищами и оскалив белые зубы. Видно, Вере Федоровне очень нравился танец. Она играла, глядя на Лялю через плечо, и все время улыбалась. Взрослые хлопали в такт и кричали «асса!».

И вдруг случилось такое: Ляля снова прошлась по кругу приблизилась к окну, на котором стояла Антошкина ваза, раскинула руки, вскрикнула «асса!», поскользнулась и смахнула вазу с подоконника... Ваза разбилась, а Ляля хлопнулась затылком об пол.

Взрослые повскакали, стали спрашивать, как она себя чувствует, но танцовщица сказала, что с ней все в порядке, что ее голову защитила папаха.

Вера Федоровна принесла щетку и стала заметать осколки.

– Ну, Ольга, тебе повезло! Битая посуда – это к счастью.

Аглая, Брыкины и я сидели в одном углу комнаты, а Дудкин – в противоположном по диагонали от нас. Мы не издали ни звука. Мы только переглядывались между собой да смотрели на Дудкина. А он сидел весь какой-то серый, сидел согнувшись, вцепившись пальцами в коленки и глядя в пол.

– Домолчался! – прошептала наконец Зинаида, и все поняли, что она хотела этим сказать: ведь Антошка не только никак не сострил, он весь вечер молчал дурак дураком, чтобы потом ошеломить всех фокусом с вазой.

– Ну, в заключение небольшой вокальный номер, – сказала Вера Федоровна, садясь за пианино. – Гурилев. «Однозвучно звенит колокольчик»! Оля, прошу!

Оля стала к пианино, и тут мы впервые узнали, что она хорошо поет, что у нее очень приятный голос. При первых же словах песни взрослые притихли. Даже я заслушался, на несколько секунд забыв про Антошку.

Однозвучно громит колокольчик,

И дорога пылится слеша.

И уныло по ровному полю

Разливается песнь ямщика...

В этот момент Аглая стукнула меня кулаком в бок.

– Лешк! Гляди! – шепнула она и кивнула в сторону Дудкина.

Я взглянул. Недалеко от стула, на котором сидел Антон, стояла тумбочка. Единственная ножка ее была вырезана в виде трех змей, которые переплелись между собой. Три хвоста этих змей служили тумбочке опорой, а на трех змеиных головах с раздвоенными языками покоился круглый верх тумбочки. На нем лежала шелковая желтая салфетка, на салфетке стоял тяжелый стеклянный поднос, а на подносе – графин резного хрусталя и три таких же резных стакана.

Пока Оля пропела первые строчки песни, Антошка успел подняться и теперь стоял рядом с тумбочкой, разглядывая графин, поднос и особенно салфетку.

Васька и Зина тоже заметили это и заерзали.

Столько чувства в той песне унылой.

Столько грусти в напеве родном... –

пела Оля, а в нашем уголке тревожно шушукались.

– Глядите! Приглядывается! Приглядывается! – зашептала Зинаида.

– Дернет! Вот гад буду, дернет! – шепотом заволновался Васька.

– Как только она кончит петь, так он... это самое!..

И припомнил я ночи другие,

И родные поля и леса...

Дудкин неслышно подошел к тумбочке с другой стороны и потрогал уголок салфетки.

...и на очи давно уж сухие

Набежала, как искра, слеза...

– Дудкин! – громко зашептала Зина. – Дудкин, слышишь? Ты не вздумай...

Но Антон был далеко. Он не слышал. Он вернулся на свой стул и сидел теперь прямо, скрестив руки на груди. Лицо у него было решительное. Даже, я бы сказал, вдохновенное.

Аглая приподнялась и забубнила вполголоса:

– Антон! Дудкин! Ты давай не дури! Антон, слышишь?

Дудкин взглянул на нее и ничего не ответил. Вера Федоровна обернулась через плечо:

– Дорогая! Надо все-таки уважать исполнительницу!

После этого мы перестали шептаться. Мы сидели съежившись и ждали, что будет.

И умолк мой ящик, а дорога

Преодо мной далека, далека.

Умолк ящик, замолкла и Оля. Ей долго хлопали, потом Вера Федоровна объявила, что взрослые могут снова удалиться в кухню, что сейчас начнутся танцы. И тут Дудкин вскочил.

– Одну минуточку! – воскликнул он каким-то особенно резким голосом и подошел к тумбочке. – Какая интересная салфеточка!...

– Антошка! Не смей! – взвизгнула Аглая.

Но было поздно: Антон рванул салфетку. Может, он и выдернул бы ее, но тумбочка оказалась слишком шаткой. Она грохнулась на пол. Разбился поднос, графин и два стакана. Только третий

почему-то уцелел.

Мертвая тишина стояла в комнате секунд десять. Побледневшая «Екатерина Вторая» во все глаза смотрела на неподвижного Дудкина.

– Ну, знаешь, уважаемый... – выдавила она наконец дрожащими губами. – После такого... после таких штучек... Ты, надеюсь, сам догадаешься, что надо сделать.

Она протянула указательный палец в сторону двери. Приподняв плечи, держа руки по швам, Антон молча прошагал в переднюю. Мы услышали, как хлопнула входная дверь. Вера Федоровна снова сходила за щеткой, снова принялась подметать. Взрослые о чем-то негромко говорили, но я не слушал их. Я думал о том, сколько теперь придется заплатить Антошкиным родителям за этот графин и каково теперь будет Антошке дома.

– Он что у вас – всегда такой! – сердито спросила Вера Федоровна Аглаю.

– Он не хотел разбить. Он хотел только фокус показать...

Вера Федоровна перестала подметать.

– Фокус?! Ничего себе фокус!

– Он хотел вот эту салфетку из-под нашей вазы выдернуть... – пояснила Зинаида. – А Ляля ее разбила. Вот он, значит, и... ну... вашу...

Словом, мы рассказали, как готовил Антон свой номер, как мы покупали вазу... А Васька закончил наш рассказ:

– Он хотел неожиданно фокус показать. Чтобы остроумно получилось.

Вера Федоровна посмотрела на взрослых:

– Слыхали?

Те негромко засмеялись. Вера Федоровна повернулась к Аглае:

– А куда он убежал? Небось плачет где-нибудь...

Аглая только плечами пожала: мол, само собой разумеется.

– Подите приведите его!

Мы не двинулись с места, только переглядывались.

– Идите, идите! Скажите, что я не сержусь. Мне никогда не нравился этот графин: безвкусица!

Мы побежали искать Антона, но нигде его не нашли. Потом выяснилось, что он до позднего вечера проштался по улицам, боясь явиться домой. Но родители его так ничего и не узнали о разбитом графине.

Несколько дней подряд Антошка бегал от Двинских, а Вера Федоровна, встречая его, всякий раз звала:

– Эй, фокусник! Ну иди же сюда! Давай мириться!

Наконец Антон подошел однажды к ней, и они помирились. Дудкин скоро забыл, что он остроумный, и его временное поглупение прошло.

Читайте другие рассказы Сотника. [Содержание](#)